

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Л.М. ДРОБИЖЕВА***Процессы гражданской интеграции
в полиэтническом российском обществе
(Тенденции и проблемы)***

Современная Россия, преодолевая последствия переходного периода, определяет свою позицию не только по политическому и экономическому (с соответствующими трансформациями в социальной структуре) векторам. Не менее важно и восстановление идеологической системы координат, в соответствии с которой выстраивается пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал. В постсоветское время граждане Российской Федерации столкнулись с необходимостью переосмысления пространства страны, в которой они живут: ее новых территориальных очертаний, этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся социальной стратификации. Скорости и масштабы осознания трансформационных изменений, встраивание в новую систему отношений, освоение новых смыслов и значений были разными. Все это определяло многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой – росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют какие-то интересы, усиливалась важность больших, воображаемых (термин Б. Андерсона) сообществ – областного, республиканского, государственного, гражданского, политической нации.

Когда речь применительно к нашей стране заходит о таком феномене, как национально-гражданская общность, не только склонные к преувеличениям СМИ, но и многие представители научного сообщества предпочитают в лучшем случае говорить об этом как о некоем почти недостижимом идеале, а в худшем – как о кризисе идентичности российского социума. Такая логика подтверждается ссылками на различного рода негативные тенденции: нарастание этнонационалистических настроений, популярность великодержавно-шовинистических концепций, усиление социально-классовой розни и пр. Споры нет, подобные явления – часть нынешней социальной реальности. Однако хотелось бы обратить внимание и на наличие иной тенденции – процесса постепенной, может быть пока еще не столь значимой, как хотелось бы, гражданской интеграции полиэтнического российского общества.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-03-00408а).

Дробижева Леокадия Михайловна – профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН.

Категория **гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность** включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Прошедшие с 1991 г. семнадцать лет – срок исторически небольшой, но не случайно социологи во всем мире выделяют один тренд: сжатие времени и фрагментация пространства. За истекшее время существования новой России ныне живущее поколение пережило немало последствий распада СССР: взрыв этничности и национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Помимо смены политического устройства общества, это был период кардинальных социальных изменений: формирования новых слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах.

Такого рода масштабные трансформации отразились на самосознании людей, их идентичности. Понятие "государственно-гражданская", или "национально-гражданская" идентичность достаточно новое для нашей публичной сферы, да и для российской научной литературы, ибо в России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как "государственная идентичность", "россияне", "российская идентичность". В общественный дискурс вошло понимание нации как граждан государства, по аналогии с Францией, Великобританией, США¹.

За этими новациями был политический смысл, а не стремление российских ученых адаптировать свой понятийный аппарат к нормам, принятым в мировом сообществе. Если под нацией понимается государственная общность, то снимается или, как минимум, редуцируется право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Ибо категория "суверенитет" закрепляется за государственной общностью. Для России это особо важно, поскольку в начале 1990-х гг. республики в ее составе приняли Декларации о суверенитете. Поэтому не случайным стало употребление в публичном пространстве, особенно в выступлениях Президента РФ, понятия "нации" не в традиционном этнокультурном смысле, а в смысле государственной, гражданской общности – "политической нации". Это находит выражение через такие определения, как "российская нация", "граждане России", "мы как нация", "мы – народ России", "единый народ России" и т.д. В таком значении "нация" и производное от него определение "национальный" (интересы и т.п.) в посланиях Президента РФ Федеральному собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2005 г. – 15 раз, в 2007 г. – 18 раз².

Но одно дело политический дискурс, а другое – его преломление во мнении общества. Современная идентичность населения России – сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в об-

¹ Инициатива принадлежала члену-корреспонденту РАН В. Тишкову, но споры с ним вели и Р. Абдулатипов, и Э. Баграмов, и член-корреспондент РАН Ж. Тощенко, и В. Козлов, и др.

² Подсчеты произведены с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word – Ctrl + F. Тексты президентских посланий размещены на сайте www.kremlin.ru.

щественном развитии. Именно с этой точки я постараюсь рассмотреть идентичность россиян как ресурс государства и общества.

Здесь, однако, уместно небольшое отступление. Все исследовательские центры, отслеживающие динамику общероссийской идентичности, фиксируют ее устойчивость и приближение к условно называемым базовым идентификациям (семья, профессия и др.). По данным Всероссийского центра трансформационных процессов Института социологии РАН в 2002 г. 63% респондентов солидаризовались с образом "мы – россияне" [Данилова, 2005, с. 226]. Институт комплексных стратегических исследований РАН в 2004 г. зафиксировал российскую идентичность у 45,4% жителей мегаполисов и 51,4% у провинциалов [Российская... 2005]. Согласно последнему исследованию по проекту РМЭЗ (RLMS) гражданами России ощущали себя "часто" и "иногда" 65% опрошенных (68% горожан и 59% селян)³.

Отдавая должное важности статических замеров общероссийской идентичности, хотелось бы указать на целесообразность более глубокого исследования ее содержания и динамики процесса ее складывания. В этом контексте необходимо, как минимум:

- дать реальную оценку и перспективность интегрирующих общество ценностей;
- определить, какой тип идентичности (государственно-гражданский, региональный, этнический и т.д.) будет доминирующим, какие факторы станут влиять на российскую ментальность в перспективе;
- оценить модернизационные, традиционалистские и амбивалентные тенденции применительно к регионам и стране в целом и выявить доминирующие перспективные направления.

Ответы на эти и аналогичные вопросы могут дать материалы совместной работы ресурсной группы Института социологии РАН с Межрегиональными институтами общественных наук в 2006–2007 гг.⁴, а также данные социологических исследований в Республике Саха (Якутия) – в 2006 и 2007 гг.⁵

Итак, по результатам опросов в регионах с доминирующим русским населением гражданами России ощущали себя 86% респондентов. В Свердловской, Томской и Воронежской областях этот показатель был выше (около 90%), в Саратовской и Калининградской областях и Приморье ниже (порядка 77%). При этом не менее половины опрошенных составили группу тех, кто ощущают себя гражданами России в значительной степени. Эти индикаторы интересно сравнить с данными по этнически гетерогенной Республике Саха (Якутия), где ситуация в 2007 г. выглядела так: национально-гражданскую идентичность – ассоциирование себя в значительной мере с гражданами России предпочли 63% якутов и 81% русских. Кроме того, почти 30% якутов и 15% русских отождествляли себя с гражданами России "в некоторой степени". В целом же в той или иной степени положительно отвечали на вопрос более 90% населения республики.

Если сравнить эти показатели с их аналогами 1990-х гг. (20% и 79%, соответственно), то легко заметить, что представление "мы – россияне" укрепилось у обеих референтных групп, причем у якутов даже значительно больше, чем у русских. Это – серьезная подвижка, но необходимо учитывать, что оба этноса вкладывают в данное понятие несколько разное содержание. При перенесении соответствующего вопроса в

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения проводится Институтом социологии РАН совместно с Университетом Северной Каролины (США) и Институтом питания РАМН. Руководители с российской стороны П. Козырева и М. Косолапов.

⁴ В ресурсную группу Института социологии РАН, создавшую программу исследования, входят Л. Дробижева, М. Черныш, А. Чирикова.

⁵ В опросный лист этих исследований были включены блоки вопросов, фиксировавшие "мы-образы" и корреспондировавшие с такими же вопросами в исследованиях 1990-х гг. Это давало возможность провести сопоставления.

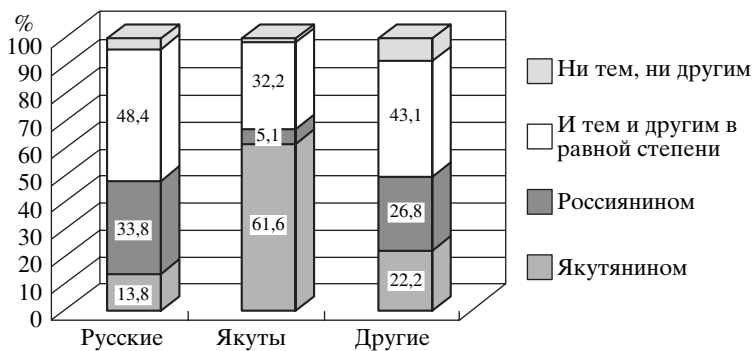

Рис. 1. Российская и региональная идентичность русских и якутов в Республике Саха (Якутия).

административно-территориальную плоскость ("кем вы себя больше чувствуете: якутянином или россиянином, или и тем и другим в равной степени"?), в 2007 г. доля представителей титульного этноса, ассоциирующих себя только **россиянами**, оказалась в административном смысле невелика – около 5%, но и россиянами, и якутянами чувствовали себя 67%; среди русских – 47% (см. рис. 1).

Следовательно, респонденты, представляющие титульный этнос, по-видимому, отождествляли себя с россиянами, в основном, по критерию территориально-пространственного, а не гражданского единства. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что национально-гражданская общность, позволяющая редуцировать этническую рознь и социальную дифференциацию, у нас пока только складывается⁶. Что, впрочем, не снижает позитивную оценку данной тенденции, особенно с учетом того обстоятельства, что историко-культурная константа в самосознании населения нашей страны была иной, чем в странах Запада.

Не менее важна и содержательная сторона проблемы. Так, данные наших опросов показывают, что большинство людей уже считают, что быть гражданином России значит "чувствовать ответственность за страну": от 62 до 76% респондентов в Приморье, Томске, Екатеринбурге, Саратове, Воронеже, Калининграде считают это "очень важным". Более детальный анализ материалов опросов по Саха (Якутии) о восприятии русскими и якутами своего места в гражданском сообществе России также дает основания утверждать, что за этим реально стоит большее, чем ощущение себя россиянами, так сказать, просто по территории. Среди факторов, которые консолидируют якутян с гражданами страны, треть якутов и четверть русских назвали именно "ответственность за ее судьбу". По рейтингу консолидирующих факторов гражданская ответственность оказалась на втором месте, конкурируя с такими представлениями, как "родная земля, природа" и "общее историческое прошлое". Хотя доминирует, конечно, в том числе и в силу этого исторического прошлого, категория "единое государство" – административно-территориальный фактор (см. рис. 2).

В приведенных данных интересно отметить и то, что якуты не меньше, а даже чуть больше, чем русские, консолидируются с гражданами России через чувство ответственности за судьбу страны и особенно через единое государство (свыше 70% против примерно 57%, соответственно). Полученные в ходе исследования данные делают очевидным факт: пусть якуты и реже, чем русские, ощущают тесную связанность с

⁶ Отсюда – и заинтересованность в формировании гражданского общества, его ценностей и норм не только среди демократически ориентированной части российской общественности, но и у представителей власти.

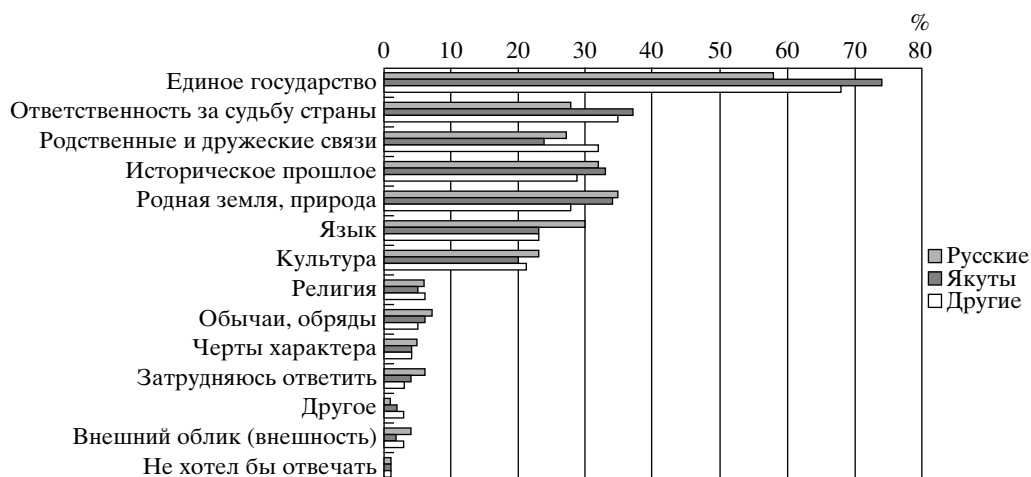

Рис. 2. Рейтинги факторов российской общегражданской консолидации населения Республики Саха (Якутия).

Россией как с территориальной общностью, для них при этом отнюдь не меньшую, а даже несколько большую важность представляют категории "государственное единство" и "ответственность за судьбу страны".

Тенденция к гражданской консолидации проявляется и через соотношение региональной и общероссийской идентичности: опросы показывают, что, в целом, первая начинает уступать второй, хотя и ненамного. Так, в Калининграде в 2006 г. практически одинаковая доля населения (77%) считали себя россиянами и жителями города (области). В Воронежской и Томской областях российская идентичность несколько превосходила региональную. Что примечательно, в Приморье в значительной степени ощущают себя россиянами 57%, а земляками и жителями локусов – 39%, а ведь именно относительно этого региона досужие политики высказывают опасения по поводу его дистанцирования от России.

Наконец, есть основания говорить о том, что в отличие не только от 1990-х гг., но и от начала 2000-х гг. гражданская идентичность стала даже более значимой, чем этнонациональная. Это иллюстрирует соотношение тех респондентов (в массиве опрошенных доминирующее большинство – русские), кто не ощущают близости с людьми своей национальности (минимальное количество таких в Томске 9%, максимальное – в Калининграде 26–27%⁷), с теми, кто в значительной степени ощущают связь с представителями только своей национальности – их было по регионам не более одной трети⁸. Это, скорее всего, дает основания говорить не просто о преодолении кризисных элементов в русском самосознании, но и о выстраивании новой российской идентичности, восходящей отнюдь не только к этническому происхождению индивида.

Чтобы адекватно оценить подобные показатели, необходимо вернуться в наше недавнее прошлое. В 1990-е гг. в субъектах РФ наблюдался действительно высокий уровень и региональной, и этнической идентичности, значимо превосходящий общероссийскую идентичность. В той же Саха (Якутии) преимущественно якутиями в 1999 г. считали себя 77% городских якутов и 85% сельских, а россиянами, как уже упомина-

⁷ Возможно, в Калининградском регионе в массив опрошенных попало большое число маргиналов.

⁸ Только в Свердловской области их больше, что связано, видимо, с повышенной "русскостью", стимулируемой как сильным притоком мигрантов, так и более высокой идентификацией по критериям "русскости" (95%) и приверженности к европейским ценностям (57%).

лось, около 20%, да и русских, считавших себя в основном россиянами, было в республике около 50%. Надо сказать, что и в других республиках (Татарстане, Башкортостане, Северной Осетии–Алании) региональная/республиканская идентичность населения была не менее высока. Да что и говорить, если и в Москве – столице государства – лишь четверть москвичей идентифицировали себя как россиян, а остальные еще чувствовали себя гражданами СССР или не могли определиться со своей идентификацией. Многие люди тогда еще не оправились от шока, связанного с распадом СССР, другие ожидали его восстановления, территориальные границы представлялись нечеткими, новые социальные отношения еще только формировались и выглядели фрагментарными. В тех условиях идентичность русских ученые оценивали как кризисную.

Граждане российских республик, особенно представители титульных этносов, тогда были в более комфортном положении. Местные элиты развернули деятельность по формированию локальной идентичности: создавались гимны, флаги и гербы республик, в них происходили выборы своих президентов и т.п. Так у людей воспитывалась гордость за свою республику, ощущение чувства регионального единства. И это не следует, как принято часто делать, относить исключительно к проявлениям этнонационализма. В ситуации трансформаций во всех сферах жизни, нечеткости директив и дискуссий в Центре локальная идентичность, стимулируемая провозглашенными суверенитетами, представлялась людям более определенной и надежной. Ведь в 1990-е гг., когда Центр строил отношения с субъектами Федерации по принципу передачи льгот в обмен на лояльность, падающая легитимность федеральной власти, по сути, компенсировалась ростом региональной солидарности, в том числе республиканской.

Суверенитеты воспринимались и как некая компенсация за нереализованные интересы народов в советское время. Местные элиты успешно использовали возможности, открытые демократизацией политической системы, и немало сделали не только для изменения идеологии, но и для использования местных экономических ресурсов. В результате слово "суверенитет" стало значимым не только для горожан, но и для сельских жителей республик, в чем легко убедиться, обратившись к опросам 1994 и 1997–1999 гг. Элементы суверенитета, полученные в постперестроечное время, высоко оценивались и элитой, и всем населением республик. В частности, в 1999 г. практически 60% якутов и четверть русских жителей республики (в основном старожилы) полагали, что "республика должна быть суверенным государством в составе Российской Федерации", а не просто республикой. Аналогично 70% якутов и более 50% русских соглашались с мнением, что "только республика должна распоряжаться своей землей и природными ресурсами". Среди перемен, положительно повлиявших на жизнь российского общества, установление республиканского суверенитета получило среди якутов столь же высокую поддержку, как и свобода СМИ, многопартийные выборы и расширение отношений с Западом, и практически равную с оценкой русскими свободы СМИ и расширением отношений с Западом.

Когда решение Конституционного суда РФ отменило право республик считаться суверенными, ликвидация этого статуса и приведение законодательных норм и положений местных конституций в соответствие с Конституцией РФ и всей законодательной базой Российской Федерации стали очень нелегким процессом. Иногда законодатели в республиках прибегали к каким-то компромиссным, с их точки зрения, решениям, или "уловкам" с точки зрения законодателей Центра. Например, в Конституции Башкортостана говорится о государственности, которой, как известно, без суверенитета не бывает. Не менее психологически трудным был отказ и от каких-то, пусть и символических, знаков достижений в данной области, в частности празднования Дней провозглашения суверенитетов. Например, в Саха (Якутии) 27 сентября по-прежнему проходят праздничные мероприятия, посвященные годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете республики. Теперь в выступлениях руководителей республики акцентируется внимание на значимости этих событий для социально-эко-

номического развития территории, а не для возрождения культуры титульного этноса, как это было в 1990-е гг.

Рассматривая возрастание значимости гражданской идентичности как позитивную в целом тенденцию, хотелось бы указать на некоторые связанные с этим проблемы. Сильная национально-государственная идентичность может быть тревожным симптомом назревающих изоляционистских и даже националистических настроений. Но на данном этапе это, скорее всего, компенсаторное изменение в самосознании российских граждан после переживания распада Союза и огульной критики прошлого. К тому же, возможно, это – результат активного идеологического воздействия администрации Президента РФ по конструированию представлений о принадлежности к общей идентичности граждан России и солидарности. Ибо борьба за номинацию, за наименование признается в современном мире одним из важных ресурсов, способных обеспечить социальное доминирование. Слова, как заметил П. Бурдьё, "в значительной мере делают вещи" [Бурдьё, 2001, с. 111–112]. В этом отношении президентский дискурс – важный стимулятор формирования "мы-образа", транслируемый при помощи образования, СМИ и т.д. Проблема для определения будущего России – содержание этого дискурса.

И здесь приходится констатировать, что важнейший смысловой его конструкт – дихотомия "мы–они" – выглядит следующим образом: сильное государство, солидаризирующееся вокруг него общество, которые противостоят внутреннему и внешнему врагу, намеренному разрушить нашу страну, использовать наши ресурсы. В роли "они" были: и "террористическая интервенция", нарушающая целостность страны; и "олигархические группировки, которые... обслуживают исключительно собственные интересы"; и коррупция российских государственных институтов; и некий неопределенный, но вполне понятный враг, который "самыми грязными технологиями пытается разжечь в нашей многонациональной, демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь"; и даже "наши партнеры", которые "ведут себя некорректно, добиваясь односторонних преимуществ".

Центром позитивного "мы-образа" стало сохранение за Россией роли "крупнейшей европейской нации", чья "цивилизаторская миссия на Европейском континенте должна быть продолжена", поскольку наша страна опирается "на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России, за более чем тысячелетнюю свою историю". В этой связи "подавляющее большинство граждан страны" должны стать "реальными соучастниками общего созидательного процесса", и каждый из них – "гордиться своей страной" и "чувствовать свою причастность с судьбой государства".

На этих идеях, типологически близких дискурсу лидеров национально-патриотического направления, и формируется реальная российская идентичность, чьей доминантой становится государство как институт. Естественно, в современных условиях люди не обязаны, как это было в недавнем прошлом, повторять то, что есть в президентских посланиях, но их идеи транслируют СМИ, они выходят в публичную, образовательную сферы, формируя представления. А если они есть, то будут иметь, согласно теореме Томаса⁹, реальные последствия. В этой связи неудивительно, что глубинные интервью показывают: отождествление себя с гражданами России у респондентов часто происходит по линии "государство-институт", а не "гражданство-сообщество". Впрочем, следует помнить, что переходное общество несет в себе стереотипы прошлого, а в истории нашей страны институты власти были распорядителями судеб людей, инициаторами модернизационных перемен. Так что западная модель ранжирова-

⁹ Теорема Томаса – это описание феномена социального взаимодействия, данное американским социологом У. Томасом (1863–1947): "Если человек определяет ситуацию как реальную, то она станет реальной по своим последствиям". Например, если вкладчики, боясь, что их банк прогорит, заберут оттуда свои деньги, он действительно прогорит.

ния государства и общества, в рамках которой граждане – политическая нация, сообщество, а государство – совокупность институтов, служащих ему, у нас еще не утвердилось.

Тем не менее ситуация в этой области стала понемногу меняться. Уже упоминавшийся факт, что значительная часть респондентов ассоциирует свою принадлежность к россиянам с чувством ответственности за страну, говорит о пусть не до конца отрефлексированном чувстве солидарности – не может же рядовой гражданин ощущать нечто подобное относительно должностного лица или госучреждения. С этим коррелируют и представления о том, что "важно быть российским патриотом, любить Россию". Такого мнения ныне придерживаются свыше 90% опрошенных в Воронежской, Калининградской, Саратовской, Свердловской областях и более 80% в Приморье и Томской области (во всех регионах свыше 60% считают, что это очень важно). Патриотические чувства – вид эмоциональных ощущений, не соотносимых с государственными структурами. Их вряд ли у нас кто-то любит, чаще их ругают, а реально к ним проявляют большую или меньшую лояльность. Тогда как любить страну, живущих в ней людей можно, поэтому данный индикатор следует интерпретировать как эмоциональный элемент именно гражданской идентичности.

Другой проблемный аспект становления национально-гражданской идентичности – вопрос о ее векторе: модернизационном или же традиционалистском (в смысле роста великодержавных настроений и/или этнического национализма как идеи преобладания этнических интересов над всеми другими, в том числе интересами личности, граждан). Наши исследования, в которых были предусмотрены блоки вопросов, сформулированные так, чтобы выявить индикаторы этих процессов, показывают в данной связи следующее. Достаточно очевидно, что за общероссийской идентичностью скрываются, как минимум, различия социально-политических ориентаций и установки "разных скоростей" модернизационного процесса. При том, что 85% по всему массиву опрошенных считают себя гражданами новой России, 49% еще в разной мере чувствуют себя советскими людьми. В большинстве регионов ими ощущают себя 15–26% населения, это, главным образом, старшее поколение [Общественное... 2006, с. 18]. Но если какая-то часть россиян еще и ностальгирует по прошлому, то уже немало и тех, кто ассоциирует себя с людьми, разделяющими европейские ценности. Таких в целом по массиву 36% (в Приморье их 22%, в Воронежской и Саратовской областях – 29%, в Томской и Свердловской – 57%). Наконец, практически половина граждан в изучаемых регионах – 48% (в том числе порядка 20,5% в значительной степени) ассоциируют себя с теми, кто добились успеха в современных условиях. Памятуя о российской привычке больше критиковать себя, а не хвалить ("не высовывайся!"), это очень неплохие показатели.

Тем не менее идентичность россиян в современных условиях достаточно противоречива. Упомянутым оценкам сопутствуют и традиционалистские ценности, причем не как дань уважения к традиции, к прошлому, а в виде представлений, тормозящих переход к пониманию современного образа жизни в глобализирующуюся эпоху. Об этом, например, говорит убежденность 78% респондентов в том, что "надо родиться в России", чтобы быть россиянином, а 84% полагают, что для этого надо "прожить в России большую часть жизни" (свыше 50% считали и то и другое очень важным). Между тем представление о свободном перемещении и мобильности – один из важных показателей современной жизни, модернизации. Конечно, возможно, что на позицию респондентов по данному вопросу влияет факт усиливающегося потока иноэтничных мигрантов: далеко не все россияне привыкли к таким процессам. Но это обстоятельство не должно скрывать традиционалистскую подоснову подобных представлений – ориентацию на этническую замкнутость. Об этом свидетельствует коррелирующая ориентация на то, что россияне должны быть русскими (46% респондентов) или православными (58% по массиву в целом).

В самом обобщенном виде характеристика формирующейся гражданской идентичности жителей России может быть дана так. В настоящее время она, во-первых, доста-

точно противоречива: в ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды, а во-вторых, отягощена государственническими (в институциональном смысле) стереотипами, которые – пока, правда, больше на эмоциональном уровне – начинают трансформироваться в представления о подлинном гражданско-национальном единстве.

Говоря о перспективах гражданской интеграции россиян, можно утверждать, что в ближайшем будущем здесь не должно произойти существенных подвижек. Система властных отношений вряд ли изменится, так что существующее направление идеологических воздействий на общество сохранится. Демократические оппозиционные силы в настоящее время достаточно слабы, чтобы изменить вектор идеологического влияния. Что же касается национально-патриотического течения оппозиции, то, как показывает анализ соответствующих интернет-сайтов, публикаций в газете "Завтра" и журнале "Наш современник" и т.п., его представители в основном склонны считать, что власть прислушалась к их голосу (о том же говорят и евразийцы в лице А. Дугина).

В таком контексте можно предполагать, что консолидация основной части населения будет происходить на основе оборонного сознания. Ведь 63% респондентов в целом по массиву считают, что "западные страны ставят целью ослабить Россию". Различия по регионам вокруг этой доли очень небольшие, лишь в Воронежской области эти настроения заметно сильнее (74%). Скорее всего, это связано тут с значительной долей сельского населения и худшим, чем в ряде других регионов, экономическим положением. Правда, одновременно пойти на снижение жизненного уровня во имя сохранения военной мощи готовы совсем немногие – 12% (от 7–11% в Калининграде, Приморье, Саратовской области, до 21% – в Свердловской области, возможно, в связи с тем, что здесь особенно пострадала значимая для региона военная промышленность).

Рецидивы психологии "осажденной крепости" придадут процессам формирования национально-гражданской идентичности изоляционистский и антимиграционный оттенок. Ведь в настоящее время 44% граждан полагают, что "проникновение другой культуры и языка вредит населению" (различия по регионам незначительны). Примерно такое же количество респондентов – 43% – во-первых, придерживаются в той или иной мере позиции, что Россия должна быть страной для русских, а во-вторых, согласны с мнением, что "национальность всегда будет разъединять людей". Около 90% во всех регионах не желают принимать у себя людей другой этнической принадлежности, не хотят видеть в мигрантах потенциальных граждан страны. Причем такие настроения имеют место как в центральных (Саратовская и Свердловская области), так и в пограничных (Калининград, Приморье) районах.

Подобные данные иногда упрощенно трактуются как нарастание националистических настроений в противовес мотивам гражданской интеграции. Для такой оценки, конечно, есть основания. Пережитые в поздне- и постсоветское время этнические вызовы, массовые национальные движения в СССР и в Российской Федерации, военные действия и постконфликтная ситуация в Чечне и другие события травмировали этнонациональное сознание русского населения. Тем не менее более детальный анализ взглядов респондентов позволяет говорить о том, что за негативными подходами к консолидационным процессам стоят преимущественно либо сугубо констатационные, либо антииммигрантские установки.

Подтверждение тому, во-первых, готовность большинства респондентов работать с коллегами иной национальности: такого мнения придерживаются порядка 53–65% по стране. Во-вторых, позитивное отношение к межнациональным супружеским союзам, которые в целом одобряют 56% россиян, а с какими-то оговорками – 18%. В-третьих, достаточно высока доля тех, кто просто готов контактировать с иноэтничными соседями и иметь среди них близких друзей (порядка 38%). Наконец, характер претензий к мигрантам большинства населения также говорит об их в первую очередь социально-экономическом, а не этническом характере. Главные проблемы с приезжими ассоциируются у большинства опрошенных с конкуренцией на рынке труда (свыше 80%) и

жилья (50–60% и выше), а также с трудностями адаптации мигрантов (50–70%). В наибольшей мере такого рода проблемы волнуют жителей Воронежской и Свердловской областей и Приморья, то есть там, где миграционное давление ощущается сильнее.

В настоящее время и федеральный Центр, и субъекты Федерации принимают меры по урегулированию миграции, но общественные настроения быстро изменить не удастся. Поэтому ощущение недружелюбия к мигрантам, усиливается реальными потребностями развития сферы обслуживания и экономики, будет подпитывать общественную фрустрацию, которая, естественно, найдет отражение в травматических формах групповой идентичности.

Наконец, следует сказать, что региональные консолидации на данном историческом этапе станут не столько противостоять, сколько подпитывать национально-гражданскую идентичность. Регионы становятся значимым ресурсом корректировки социальных взаимодействий. Чем больше будет доверия к федеральной и региональной власти, ощущения, что люди на местах участвуют в принятии важных для них решений, тем надежнее окажется совместимость этих идентичностей у широкого круга граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П.* Практический смысл. М., 2001.
Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. М., 2005.
Общественное мнение – 2006. Аналитический Центр Юрия Левады. М., 2006.
Российская идентичность в условиях трансформаций. М., 2005.